

Содержание

Пролог	
ПОРОСЯЧИЙ ВИЗГ	7
Мистер Потчепе	7
Глава 1	
ЛИСТ САЛАТА.....	14
Томми	14
Глава 2	
ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК	24
Томас Палмер.....	24
Глава 3	
ЦИНИК И АТЕИСТ	36
Курт МакКелли	36
Глава 4	
ЧИТКА.....	52
Тедди.....	52
Глава 5	
ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ.....	63
Труди	63
Глава 6	
ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ	70
Сави Сенанаяке.....	70

Глава 7	
ДЖУЛЬЕТТА	84
Гэвин.....	84
Глава 8	
МОНАХ И АГРОНОМ.....	102
Захария.....	102
Глава 9	
ВНУТРЕННИЙ ПОМОЩНИК.....	110
Труди	110
Глава 10	
ЛЮБИМАЯ ДОЧЬ ЛИЛАНДТОНА	125
Дэймон.....	125
Глава 11	
ШКАТУЛКА	140
Карин.....	140
Глава 12	
СТРАШНЫЕ ПОСЛАНИЯ	157
Джессика	157
Глава 13	
МАСКИ, ПЛЯСКИ И ГОЛЫЕ ТЕЛА.....	168
Скотти	168
Глава 14	
КАКАО	181
Рут.....	181
Глава 15	
ПОБЕГ	194
Дик Диггер	194
Глава 16	
ДОПРОС	210
Следователь	210

Глава 17	
КРАСНАЯ КОМНАТА	231
Теодор Палмер	231
Глава 18	
СВОБОДА	247
Лаура	247
Глава 19	
ЛАУРА КОРДОВСКАЯ	268
Линн	268
Глава 20	
ПОЖАР	287
Джессика	287
Глава 21	
О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР	296
Захария	296
Эпилог	
СТЕНА	302
Дэймон Уайт	302

*О, что ж тебе, природа, остается
Творить в аду, когда ты духу зла
Дала приют в раю столь нежной плоти?*

Уильям Шекспир

Пролог

Пороссячий визг

Лиландтон, май 1991 года

Мистер Потчепе

Надо сказать Скотти, чтобы проходил косилкой по траве минимум три, а то и четыре раза. Вот так связывайся с подростками. Денег хотят как за полную ставку, а работают спустя рукава. Знал, что пожалею, когда нанял Скотти Трэвиса. Заторможенный он какой-то. Не удивлюсь, если окажется, что у малого психическое расстройство имеется. Что ни спроси, он мычит: «Да, мистер Потчепе. Нет, мистер Потчепе. Будет сделано, мистер Потчепе». Стоит моргает, и ни единого проблеска сознательности в бесцветных глазенках.

Начало смеркаться. С приходом темноты неровности лужайки стали менее заметными. Я вытащил руку из бассейна со звуком «плюмп» и прошелся ладонью по травяному ворсу, как по заправке одной из шести кошек моей матушки.

Терпеть не могу кафельную плитку. Сколько людей отдало концы, поскользнувшись в душе! Не

перечесать. А плитка у бассейна – так это вообще минное поле. Не сегодня-завтра сломаешь шею. Странно, что класть ее до сих пор не запретили в законодательном порядке. Трава — та другое дело. Приятно щекочет пальцы ног. Почти ласкает. Еще бы Скотти подстригал ее пулево.

Я вырвал пару торчащих выше других стебельков, до которых смог дотянуться, и бросил в сторону, чтобы не мозолили глаза. В совершенстве, в доведении чего-либо до наивысшей точки воплощения — смысл всего человеческого существования.

Я воздавал почести и всеобъемлющий респект самому себе. Респект за верную мысль. Респект за удаление торчащих травинок, нарушающих равномерность лужайки. Респект за потрясающую премьеру Шекспира, которую удалось провести на высоком уровне театрального мастерства. Конечно, какое только может быть в школьной самодеятельности.

— Перфекто, — произнес я и поднес к губам сложенные в кольцо большой и указательный пальцы. Мизинец оттопырил в сторону на манер жеманного аристократа и заметил отсутствие кольца. Я всегда носил его. Старался не снимать. В прошлый раз пальцы от воды в бассейне набухли. Насилу стянул перстень и решил больше не рисковать, потому оставил на столике у барбекю вместе с часами.

Два дня назад отгремела вечеринка по поводу премьеры. На ней я позволил себе лишнего. До сих пор, как подумая о том вечере, в краску кидает. Как я мог?! Но тогда я чувствовал себя мальчишкой после выпускного. Точнее, удачливым мальчишкой, ведь не каждому повезет оказаться так близко к четвертой базе. У самого-то меня выпускного не было. В то время, когда мои одноклассники примеряли костюмы как с чужого плеча, я драил туфли прима-балерин кордебалета. Да,

те дамы были со мной ласковы. Но это не то же самое, что гостиничный номер и какая-нибудь белокурая Джейни Майлз из параллельного класса, изрядно набравшаяся пунша.

Совсем стемнело. Я начинал замерзать, но вылезать не хотелось. Снаружи было промозгло, и я до последнего оттягивал момент, как малец, засидевшийся в утробе.

Хлебнув немного горячительного из горлышка и стукнув стеклянным дном бутылки о бетонный парапет, я замер. Заметил в тени у дома движение. Гостей я не ждал. Хотя, если подумать, кто угодно мог ко мне заявиться.

Высунувшись из воды и привстав на цыпочки, стал разглядывать то место, где, мне показалось, кто-то был. Над задней площадкой дома загорелась вечерняя иллюминация так резко, что я вздрогнул, хотя сам ее устанавливал. Теплый свет от фонариков упал рыжеватыми бликами на траву. Я погрузился в воду по самый подбородок, и тут, почти успокоившись, мой разум вновь забил в невидимые колокольчики. Опять движение.

— Кто там? — прокричал я, стараясь звучать спокойно, но с последней гласной не справился и перешел на пороссячий визг. Была у моего тенора такая особенность — срываться в почти сопрано.

В тени под козырьком появилась подростковая фигура. Сразу стало понятно, что это не какой-нибудь верзила со стволом, а человеческое существо периода пубертата. Я еще не понимал, кто именно пришел, но немного успокоился. Гость в ветровке с накинутым на голову капюшоном. Подростки таскались ко мне как к себе домой. Я сам это устроил. Все потому, что репетировать в нижнем этаже моего таунхауса можно было сколько влезет, не то что в школьном актовом зале.

Был случай, когда нас со всей труппой, потерявших счет времени, заперла в школе охрана. Полчаса пришлось дожидаться старика Чэвиса, чтобы тот оторвал зад от своего просиженного дивана и вернулся в «Эйвери Холл» выпустить нас.

— Ну же? Кто это? Скотти, это ты? — прокричал я, зазывая того, кто все еще торчал в тени козырька. — Над травой надо поработать, дружище. Ты извини, но за такую халтуру я тебе заплатить не смогу. Эй, ну чего ты там встал? Иди сюда.

Меня начинало нервировать, что мой сумеречный гость ведет себя странно. И я стал двигаться в сторону металлических перил, чтобы выбраться из бассейна. Тогда-то гость и вынырнул из своего укрытия, направившись ко мне.

— Ты? — Я поправил мокрые волосы, откинув их назад. — Не ожидал. Ты зачем здесь?

— А почему нет, мистер Потчепе? Кое-что произошло два дня назад, после премьеры. — Голос отдавал металлом, как свинцовые шарики из ружья моего отца, когда те попадали в консервные банки на полигоне за сараем.

Да, меня и братьев воспитывали как настоящих мужиков. Так усердно и с размахом, что в шестнадцать я сбежал из дома на подмости Бродвея. Оттарабанил там три сезона в жилетке конферансье, пока не попал в «труппу мечты». Театр всегда был моей жизнью. Было время, когда я даже глотнул всенародной славы. Теперь же владею детскими сердцами в «Эйвери Холл», и, может быть, кто-то из этих ребят добьется больших высот, чем Вито Потчепе.

— Произошло? Ну и, ну и... — Я замялся. — Что произошло?

— Сами знаете.

Я сглотнул. Не понимал, к чему этот разговор.

— Эта куртка и капюшон. Никогда тебя в ней не видел. — Я испытывал странное волнение. — Будет дождь?

— Это брата. Вечером холодно. — Подростковые острые плечики подскочили вверх.

Я кивнул.

— Так и чего ты здесь?

— Из-за «Трамвая „Желание“».

— «Трамвая „Желание“»? Из-за конкурса? — Я совершенно ничего не понимал.

— Да.

— И?

— Вы ведь хотите отвезти нашу постановку на ежегодный смотр театральной самодеятельности?

— Да, мы все усердно работали для того, чтобы это случилось.

— Угу.

Я увидел сомнение на красивом лице. Глаза, укрытые тенью капюшона, опустились, будто тоже разглядывали торчащие травинки, оставленные нерадивым Скотти.

— Можно мне к вам? Вспомним старые добрые времена. — Молния ветровки заскользила вниз в подростковых руках.

— Ко мне? — Я поперхнулся чем-то невидимым. — Но зачем?

— После того, что было...

— Это было обоюдно. — Меня начинал нервировать этот нарратив.

— Ага, я и не спорю. А после вашей вечеринки так вообще любой из труппы перед вами запросто разделется. — Хищная улыбка, смех.

— На вечеринке все перебрали пунша, и... Сожалею.

Я ощущал неконтролируемый жар, который медленно наполнял мою голову до висков, как томатный сок стакан с «Кровавой Мэри».

— Ай-яй, как вы могли, мистер Потчепе? Но никто не узнает, не волнуйтесь. А это что тут делает?

Новенькая красная газонокосилка от Black and Decker Corder, которую Скотти оставил после работы, торчала на проходе. На зеленой лужайке у бассейна она походила на гигантскую божью коровку.

— Это Скотти Трэвис, как всегда, не убрал, — ответил я машинально. — Он ведь подстригает у меня газон. Бестолочь. Но жаль его выгонять. Пацан разоткровенничался на днях, что копит на билет до Нью-Йорка. Уж не знаю, зачем ему туда понадобилось, — пожал я плечами и хмыкнул. Где Скотти, а где Нью-Йорк?!

— А как она включается?

— Косилка? Там, на рукоятке. — Я вздохнул с облегчением. Диалог ушел от острых тем. Понимаю, неокрепшую психику тот перформанс, что я устроил на вечеринке, мог вывести из равновесия.

— Не выходит.

— Это все из-за кнопки безопасности, ее нужно удерживать. Зажимаешь ее, ага, вот так, и нажимаешь на систему передач или на кнопку включения, — пояснил я.

— Оу, как интересно. — Теперь уж мотор заревел. — Может, у меня бы получилось косить лучше, чем у Скотти, — послышался задорный голос, что пытался перекричать рев двигателя.

Меня радовало, что мы перестали обсуждать мое неподобающее поведение. Лучше о косилке, чем обо мне. А через пару-тройку недель все уляжется. Все всё забудут.

Фырчащее «вжиу-вжиу-вжиу» тарыхтело на весь двор. Если бы это была театральная постановка, звуки мотора слились бы с инструментальным гомоном из оркестровой ямы. Апогей, накал. Взыли бы скрипки, застонала б виолончель.

— Не стоит тебе держать ее включенной, пока я тут, — указал я на себя в бассейне. — Поигрались — и будет. Выключай!

Красивые глаза стрельнули на меня из-под капюшона.

— Это как раз очень кстати, мистер Потчепе. Кстати, что вы там, а я тут. Кстати, что Скотти оставил косилку у бассейна. Потому что таких мерзких и жирных свиней, как вы, нужно поджаривать.

Эти слова прозвучали резко и зло, как шутка завравшегося стендап-артиста. Знал я одного такого в бытность своей юности. Обиженный на весь мир, он быстренько потерял всяческие ангажементы в клубах, потому что с чрезмерным усердием обличал «руки, его кормящие».

На моем лице застыло недоумение. Красная машина, гроыхая и жужжа, покатила к краю бассейна и неуклюжим увальнем опрокинулась в воду: плюмп.

Апогей, накал. Я закричал, но с последней гласной не справился, и голос перешел в поросячий визг. Была у моего тенора такая особенность — срываться в почти сопрано.

Перед глазами промелькнули карточки, похожие на листки отрывного календаря Дорис Потчепе. На последнем ее сын — Вито — стоял в парчовой жилетке конференсье с атласной спинкой и, широко разведя руки в стороны, с улыбкой обращался в зал: «Занавес, господа».

Занавес.